

ЗНАНИЕ-ВЛАСТЬ!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

АМЕРИКА РАЗВЯЗЫВАЕТ НОВУЮ "ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ"

Известный американский политолог Стивен Коэн опубликовал в журнале "Nation" статью, посвященную критике политики США в отношении России. Публикуем изложение данной статьи.

В статье, в частности, сказано, что, вопреки общепринятому мнению, самая серьезная угроза национальной безопасности США по-прежнему исходит из России. Она связана с беспрецедентным явлением, которое большинство политических руководителей США безответственно оставляет без внимания. Об этом свидетельствует необъявленная «холодная война», которую Вашингтон, как при демократической, так и при республиканской администрации, уже 15 лет ведет против посткоммунистической России.

В результате распада СССР в 1991 г. Россия – государство, владеющее всеми видами ядерного и иного оружия массового поражения – пережила настоящий коллапс. В 1991 г. вся инфраструктура государства – политическая, экономическая и социальная – по сути развалилась. Контроль Москвы над гигантской территорией страны был ослаблен из-за сепаратизма, коррупции в госаппарате и организованной преступности. Беспрецедентная для мирного времени депрессия нанесла стране ущерб, вдвое превышающий экономические потери в годы Второй мировой войны. Объем ВВП сократился почти вдвое, а капиталовложения – на 80%. Большинство россиян оказалось в полной нищете. Смертность резко возросла, численность населения сократилась. А в августе 1998 г. страну постиг финансовый крах. Никто из людей, облеченных властью, не мог предвидеть, что одна из двух сверхдержав двадцатого столетия, обладающая мощным ядерным арсеналом, может оказаться в столь катастрофической ситуации.

Даже сегодня нельзя с уверенностью сказать, чем обернется пережитый Россией коллапс для остального мира. На первый взгляд, может показаться, что сейчас страна выходит из кризиса. Экономический рост в России с 1999 г. держится на уровне 6–7%, индекс на ее бирже за прошлый год увеличился на 83%, а по объему золотовалютных резервов она занимает пятое место в мире. Москву охватил строительный бум, богачи лихорадочно скупают эксклюзивные западные товары, а число крупных казино в городе достигло 56. Часть этого богатства перепадает регионам, среднему классу и беднякам, чьи доходы начали расти.

Но эти достижения, о которых громогласно трубят российское правительство и «засыwały» из западных инвестиционных фондов, в основном связаны с высокими мировыми ценами на нефть и газ. Они выглядят впечатляющими лишь по сравнению с разрухой 1998 г. Все основные показатели указывают на то, что в России продолжают беспрецедентная для мирного времени «демодернизация» и сокращение численности населения. Капиталовложения в экономику и базовую инфраструктуру по-прежнему составляют лишь треть от уровня 1990 г. Около двух третей россиян все еще живут за чертой бедности или на грани нищеты: среди них – 80% семей, имеющих двух или более детей, 60% сельского населения и большой процент людей с высшим образованием и квалифицированных специалистов, в том числе врачей, учителей и офицеров. Разрыв между богатыми и бедными, утверждают российские эксперты, приобретает «взрывоопасный» характер.

Самый трагический и красноречивый из этих фактов заключается в том, что показатели смертности и рождаемости в России по-прежнему сравнимы с ситуацией в воюющей стране: каждый год ее население сокращается на 700 000 человек или более. Средняя продолжительность жизни у мужчин едва достигает 59 лет; что же касается детей, то среди них число беспризорных составляет 2–3 миллиона. Распространение традиционных и новых заболеваний – от туберкулеза до ВИЧ-инфекции – приобретает характер эпидемии. Возможно, националисты, заявляющие, что «отечество гибнет», и преувеличивают, но даже глава самого прозападного из московских университетов предостерегает: Россия по-прежнему охвачена «глубочайшим кризисом».

Устойчивость политического режима, призванного «благоустроить» этот унылый постсоветский ландшафт, во многом, если не целиком, зависит от популярности и авторитета одного человека – президента Владимира Путина. Кстати, он признает, что ситуацию в государстве еще нельзя назвать полностью стабильной. Если рейтинг поддержки самого Путина достигает фантастических 70–75%, то политические ин-

ституты и кандидаты в будущие лидеры из его окружения практически не пользуются популярностью в обществе. Особую неприязнь у населения страны вызывает высшая деловая и административная элита, алчно «прихватурировавшая» в 1990-х гг. крупнейшие активы страны. Более того, сам факт, что они владеют этой собственностью – приобретенной, по мнению людей, незаконным путем – представляет собой «бомбу с часовым механизмом», заложенную в фундамент политического и экономического строя.

Такая же нестабильность царит и в многочисленных вооруженных силах страны, страдающих от недофинансирования, злоупотреблений и охваченных массовым недовольством. Неудивительно, что серьезные аналитики предостерегают: в случае неожиданных потрясений – если мировые цены на нефть резко снизятся, произойдут новые крупные акты межэтнического насилия или террора или что-то случится с Путиным – в России может разразиться еще более жестокий кризис. А видный ученый Питер Реддауэй (Peter Reddaway), говоря о распространении хаоса из Чечни по всему южному рубежу страны, даже задается вопросом: «Позволяет ли уровень стабильности в России сохранить ее от распада»? Пока существует возможность развития событий в этой стране по катастрофическому сценарию, сохраняются и беспрецедентные угрозы безопасности США и международного сообщества.

Эксперты расходятся во мнениях, что именно представляет наибольшую опасность – вероятность попадания части гигантских запасов ядерных, химических и биологических материалов, имеющихся у России, не в те руки; авария, вызванная плохим уходом за ядерными реакторами на суше и списанных субмаринах; сбой в системе раннего предупреждения, управляющей ракетами, которые находятся на боевом дежурстве; первая в истории гражданская война на территории разрушенной сверхдержавы – чеченский конфликт, сопровождающийся терактами. Несомненно одно: в совокупности все эти факторы представляют собой куда большую – и постоянную – угрозу, чем те, с которыми США сталкивались в советские времена.

При этом возможность катастрофы, связанной с оружием массового поражения, – не единственная потенциальная опасность, исходящая из страны, по территории по-прежнему превосходящей любое другое государство мира. В странах, граничащих с Россией, проживает почти четверть населения планеты, и там немало противоборствующих этнических и религиозных групп. Любая нестабильность в России может с легкостью перекинуться на весь окружающий ее регион – важнейший в стратегическом плане и все менее устойчивый. Существует и другой, пожалуй, более вероятный, вариант развития событий. Нефтедоллары способны обеспечить в России долгосрочную стабильность, но основываться она будет на авторитаризме, национализме и ксенофобии. Эти негативные факторы в основном связаны не с утратой Россией сверхдержавного статуса (или службой Путина в КГБ), как регулярно дезинформирует читателей американская пресса, а со страданиями и лишениями, которые пережили россияне после 1991 г. Результатом подобного развития событий, часто называемого «Веймарским сценарием», вряд ли станет установление в стране фашистского режима, но он будет означать, что Россия, владеющая оружием массового поражения и немалой долей общемировых запасов нефти и газа, станет проводить по

отношению к Западу еще более враждебную политику, чем ее предшественник – СССР.

И как же руководство США реагирует на эти беспрецедентные угрозы? Не нужно быть специалистом по международным отношениям или аналитиком из СМИ, чтобы понять: основополагающий принцип политического курса по отношению к посткоммунистической России должен звучать, как клятва Гиппократа «Не навреди!» Любые наши действия ни в коем случае не должны подрывать установившуюся в стране хрупкую стабильность, заставляя Кремль усомниться, что его приоритетные задачи связаны с восстановлением обветшавшей российской инфраструктуры, вынуждать власти не сокращать, а беречь как зеницу ока свой сверхдержавный арсенал вооружений, или провоцировать Москву на отказ от сотрудничества с Западом по всем этим вопросам, в успешном разрешении которых мы заинтересованы не менее, чем они. Все остальное, что происходит в этой многострадальной стране, уже не так важно.

Однако с начала 1990-х гг. Вашингтон, как при демократах, так и при республиканцах, придерживается по отношению к постсоветской России двух диаметрально противоположных курсов одновременно: один – декоративный и внешне дружелюбный, второй – реальный и все более безответственный. «Декоративная» политика, которую американцы, по крайней мере до недавних пор, принимали за чистую монету, предусматривает демонстративный отказ от целей периода «холодной войны» и установление «стратегического партнерства и дружбы» с Россией. Символом этого курса становятся рассчитанные на публику дружеские встречи американских и российских президентов – сначала «Билла с Борисом» (Клинтона с Ельциным), потом «Джорджа с Владимиром». Реальный же политический курс США носит совсем иной характер – Вашингтон беззастенчиво пользуется ослаблением России после 1991 г., руководствуясь принципом «победитель получает все».

Эта политика, сопровождающаяся нарушением обещаний, высокомерными нотациями и требованиями односторонних уступок, выглядит даже более агрессивной и бескомпромиссной, чем линия США в отношении коммунистического СССР. Основные элементы такого курса, проводимого с начала 1990-х гг. при угодливой поддержке обеих политических партий, влиятельных газет и аналитических центров, можно определить следующим образом: усиливающееся окружение России военными базами США и НАТО вдоль ее границ или в соседних регионах (они уже созданы или планируются в семи из 14 республик бывшего СССР, от Прибалтики и Украины до Грузии, Азербайджана и центральноазиатских государств). Таким образом, руками США создается «новый железный занавес», а результатом становится ремилитаризация американо-российских отношений.

Второй элемент, тесно связанный с первым, состоит в том, что США, не говоря об этом вслух, не признают за Россией законных национальных интересов за пределами ее собственной территории, даже в этнически родственных или территориально прилегающих к ней бывших советских республиках вроде Украины, Беларуси и Грузии. Как иначе можно объяснить, к примеру, заявления Ричарда Холбрука (Richard Holbrooke), которого демократы в случае победы прочат на пост госсекретаря? Резко осуждая Кремль за поддержку промосковских сил в ходе выборов на Украине, с которой россияне объединяют многовековые лингвистические, семейные, религиозные, экономические связи и инте-

рессы безопасности, Холбрук одновременно объявляет эту далекую страну «нашей важнейшей зоной безопасности».

Более того, Вашингтон явно исходит из того, что Россия не обладает всеми суверенными правами даже в пределах собственных границ, что проявляется, начиная с 1992 г., в постоянном вмешательстве США во внутренние дела этой страны. Примеры тому – подлинное нашествие на Москву (особенно в 1990-х) орды американских «советников», которые должны были руководить «переходом» России к капитализму; бесконечные «миссионерские проповеди» из-за океана, зачастую даже в форме угроз, о том, каким должен, а каким не должен быть ее политический и экономический строй; и, наконец, активная поддержка антикремлевских группировок в России, в том числе связанных с ненавистными народу олигархами ельцинской эпохи. Сегодня этот «интервенционистский зуд» уже доходит до предложений о необходимости свержения Путина в ходе очередной поддерживаемой Вашингтоном «цветной революции» – вроде тех, что с 2003 г. были организованы в Грузии, на Украине и в Кыргызстане (уже в этом году аналогичная попытка состоялась и в Беларуси). Так, в передовых статьях мейнстримовских изданий российского президента уже называют «бандитом», «фашистом» и «вторым Саддамом Хусейном», а один из нескольких вашингтонских лоббистов Фонда Карнеги заверяет нас в «слабости Путина» и наличии в стране реальных предпосылок для смены режима. (Интересно, сторонники подобной «демократической смены режима» хоть раз задумались о том, что их затея может обернуться дестабилизацией обстановки в ядерной державе?)

В основе всех этих элементов реального курса США лежат знакомые двойные стандарты времен «холодной войны»: Вашингтон клеймит Москву за те же методы, к которым прибегает он сам, – создание союзов с постсоветскими республиками и организацию на их территории военных баз, использование своих активов (в случае с Россией – нефти и газа) для поддержки дружественных государств и регулирование зарубежных источников финансирования политических организаций. Двойные стандарты проявляются и в вопросах общего порядка: когда НАТО расширяется до самого российского порога, поглощая бывшие страны Варшавского договора и советские республики, это называется «борьбой против терроризма» и «защитой новых независимых государств»; если же Москва выражает протест, ее тут же обвиняют в мышлении периода «холодной войны». Когда Вашингтон вмешивается в политическую жизнь Грузии и Украины, речь идет, естественно, о «поддержке демократии», а аналогичные действия Кремля расцениваются как проявления «неоимпериализма». Не забудем и о некоторых событиях прошлого: когда Ельцин, которого поддерживали США, силой разогнал законно избранный парламент и Конституционный суд, а затем навязал стране конституцию, не содержащую реальных противовесов исполнительной власти, и подтасовал результаты выборов, это называлось «демократическими реформами», когда же такую линию продолжает Путин, его обвиняют в «авторитаризме».

Наконец, Соединенные Штаты, пользуясь слабостью России, пытаются добиться ядерного превосходства, которого им не удалось достичь в советские времена. Именно эту цель, по сути, преследовали два важных демарша, предпринятых администрацией Буша в 2002 г. вопреки же-

ланиям Москвы. Во-первых, Вашингтон в одностороннем порядке вышел из Договора по противоракетной обороне 1972 г., что дает ему карт-бланш на создание системы ПРО, а значит – и способность нанести ядерный удар первым, не опасаясь возмездия. Во вторых, США оказали давление на Кремль, вынудив его подписать фактически пустопорожнее соглашение о сокращении ядерных вооружений, не предусматривающее реального уничтожения боеголовок и даже позволяющее создавать новые виды такого оружия. Этот документ не содержит механизмов проверки и допускает одностороннюю денонсацию до проведения конкретных мер по сокращению вооружений.

Резкая антироссийская направленность такого курса заставляет всерьез усомниться в двух тезисах, которые американские официальные круги и СМИ преподносят как некие аксиомы: о том, что нынешнее «похолодание» в американо-российских отношениях вызвано внутренней и внешней политикой Путина, и о том, что «холодная война» завершилась полтора десятка лет назад. Первая «аксиома» полностью лжива, вторая – правдива лишь наполовину: «холодную войну» прекратила только Москва, но не Вашингтон, и это станет очевидным после короткого экскурса в недавнюю историю. Последний советский лидер Михаил Горбачев, придя к власти в 1985 г., выдвинул еретическую по тем временам идею «нового мышления», позволявшую не просто смягчить напряженность между Востоком и Западом, но и покончить с «холодной войной», длившейся уже несколько десятилетий. Его предложения вызвали в Вашингтоне (и Москве) борьбу между теми представителями политического руководства, кто не желал упускать этот исторический шанс, и теми, кто выступал против.

Президент Рональд Рейган (Ronald Reagan) решил хотя бы частично пойти навстречу Горбачеву; той же линии придерживался и его преемник Джордж Буш-старший. В результате во время исторического саммита на Мальте в декабре 1989 г. Горбачев и Буш объявили об окончании «холодной войны». (Сегодня эта беспрецедентная декларация, судя по всему, забыта, потому-то мы и сталкиваемся с утверждениями о том, что сейчас американо-российские отношения «гораздо лучше, чем 15 лет назад», как писала недавно New York Times.) Однако одних деклараций недостаточно, чтобы покончить с многолетним наследием «конфронтационного мышления». Даже в 1989-91 гг., когда сам Буш считал, что «холодная война» закончена, многие из его ближайших советников, а также представителей американской политической элиты и СМИ, решительно против этого возражали. (Я сам стал свидетелем таких разногласий накануне Мальты, когда меня пригласили выступить по этому вопросу на совещании с участием Буша и его расколотившейся внешнеполитической команды.)

Точку в таких спорах поставил распад СССР в декабре 1991 г.: американские официальные круги и СМИ тут же начали изображать окончание «холодной войны» не как совместное решение СССР и США, а как великую победу Америки и поражение России. Именно этот (ныне общепринятый) «триумфаторский» подход стал главной причиной быстрого возобновления «холодной войны», причем по инициативе не путинского Кремля десяток лет спустя, а Вашингтона – еще в начале 1990-х, когда администрация Клинтона приняла два невероятно опрометчивых решения.

Первое из них заключалось в том, что с посткоммунистической Россией следует обращаться как с побежденной

страной, которая должна копировать американские образцы во внутренней политике и подчиняться интересам США на международной арене. Для этого требовалось, прикрываясь фасадом «партнерства и дружбы» между Клинтоном и Ельциным, периодически устраивать российскому президенту «выволочки» и добиваться от Москвы «покорности» (как позднее подтвердил Строб Тэлботт (Strobe Talbott), главный специалист по России в той администрации). «Триумфаторство» переросло во вмешательство во внутренние дела России, которое продолжается и сегодня, и укоренившееся представление о том, что Москва не имеет права на самостоятельные действия как на собственной территории, так и за ее пределами.

Вторым опрометчивым шагом Клинтона стало нарушение обещания, данного администрацией Буша еще советскому руководству в 1990-91 гг., о том, что НАТО не продвигается «на восток ни на дюйм», и начало расширения блока в сторону российских границ. Это вопиющее нарушение своего обязательства, к тому же отнюдь не единственное, послужило началом явно провокационного военного окружения России и вызвало у россиян растущие подозрения относительно намерений США. В результате, если американские журналисты и даже ученые сегодня настаивают, что «холодная война» действительно ушла в прошлое и беспокойство относительно ее возобновления необоснованно, в России по всему политическому спектру утвердилось мнение: для Вашингтона она не закончилась, и, более того, США навязывают России новую «холодную войну».

Этот пессимизм резко усугубляется из-за участвовавших «антироссийских фетв» Вашингтона, как выразился один сотрудник рейгановской администрации. В 2006 году из официальных кругов и СМИ на нас обрушился целый поток заявлений с осуждением внутренней и внешней политики России, обещаниями принять еще больше ее соседей в НАТО и призывами к Бушу бойкотировать саммит «большой восьмерки» под председательством Путина, который пройдет в Санкт-Петербурге в июле. Вероятный кандидат от республиканцев на следующих президентских выборах сенатор Джон Маккейн (John McCain) требует самых жестких мер в отношении Москвы, Конгресс демонстративно отказывается отменить действующие еще с советских времен ограничения на торговлю с Россией, Пентагон извлек из нафталина слухи о том, будто российская разведка передавала Саддаму Хусейну сведения, подвергавшие опасности жизнь американских солдат, а госсекретарь Кондолиза Райс (Condoleezza Rice), вторя сторонникам «смены режима», призывает россиян «в случае необходимости сменить свое правительство».

Что же касается самого Белого дома, то он исключил из «Стратегии национальной безопасности» (National Security Strategy) на 2006 г. любые упоминания о партнерстве с Россией, нарушил договоренность о поддержке ее вступления во Всемирную торговую организацию и ввел санкции против Беларуси – бывшей советской республики со славянским населением, в культурном плане наиболее тесно связанной с Россией, с которой Кремль ведет переговоры о создании союзного государства. Впрочем, еще важнее другое: в мае администрация отрядила вице-президента Чейни (Cheney) в Литву – бывшую советскую республику, ныне входящую в НАТО – для участия в антироссийской конференции, поручив ему выступить с осуждением Кремля и четко заявить, что США не считают его «стратегическим

партнером и надежным другом»; тем самым завершились 15 лет притворства официального Вашингтона.

Впрочем, еще больше ошеломляет распространенный в марте доклад по России, подготовленный «рабочей группой» Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations): ее сопредседателем является Джон Эдвардс (John Edwards), один из возможных кандидатов в президенты от Демократической партии. Умеренный и сбалансированный подход, которым славится этот «неангажированный» Совет, в данном случае напрочь отсутствовал. В докладе, буквально пронизанном двойными стандартами, вся вина за «разочаровывающее» состояние американо-российских отношений возлагается на «неверное направление», в котором движется Россия при Путине. Приводится обычный набор аргументов: от вмешательства во внутренние дела постсоветских государств и поддержки Ирана до сопротивления расширению НАТО, энергетической политики и «свертывания демократии в России».

Прозрачно намекая на то, что Буш проявляет чрезмерную «мягкость» по отношению к Путину, авторы доклада полностью отвергают идею партнерства с Москвой как «нереальный вариант». Вместо этого они призывают в отношениях с ней сочетать «выборочное сотрудничество» и «выборочное противодействие», в зависимости от того, какой из двух вариантов в каждом конкретном случае соответствует интересам США, и, по сути, рекомендуют вернуться к политике «сдерживания» времен «холодной войны». Призывая Запад активнее вмешиваться во внутривнутриполитическую жизнь России, они даже оставляют за Вашингтоном право отвергнуть результаты будущих президентских выборов в стране как «нелегитимные». При этом в статье, напечатанной в издаваемом Советом влиятельном журнале Foreign Affairs, прозвучало еще и угрожающее заявление о том, что США скоро «достигнут ядерной гегемонии» в мире и способности «уничтожить китайские и российские стратегические ядерные арсеналы в результате первого удара».

Последствия «холодной войны», которую ведет Америка против посткоммунистической России, усугубляют вышеупомянутые угрозы, связанные с распадом СССР. Попытка преобразовать Россию в 1990-е гг., сопровождавшаяся катастрофической «шоковой терапией» в экономике и вызванными ею антидемократическими мерами, еще больше дестабилизировала обстановку в стране, приведя к возникновению олигархической системы, которая разграбила государственное имущество, оставила важнейшие элементы инфраструктуры без необходимых капиталовложений, довела народ до нищеты и породила коррупцию в угрожающих масштабах. При этом была дискредитирована сама идея реформ по западному образцу, массовый характер приобрел американизм (в стране, никогда не отличавшейся подобными настроениями, по данным социологического опроса, проведенного в мае этого года, лишь 5% респондентов сочли США «другом» России), а некогда влиятельная проамериканская фракция в Кремле и парламенте была крайне ослаблена.

Еще худшими последствиями оборачиваются военное окружение России, стремление администрации Буша к ядерному превосходству и возобновившееся сегодня вмешательство США во внутреннюю политику страны. Они провоцируют Кремль на ответные шаги по наращиванию обычных и ядерных вооружений, вынуждая его полагаться на отжившие механизмы контроля над государством и

поддержания статус-кво, а также по-прежнему вкладывать мизерные суммы в ветшающие основные фонды страны и человеческие ресурсы. Кроме того, этот политический курс Вашингтона побуждает Москву менее активно сотрудничать в рамках существующих программ финансовой помощи США, призванных снизить риски, связанные с российскими запасами оружия массового поражения, и не допустить случайного начала ядерной войны. В общем же плане они способствовали формированию в Кремле новой идеологии с "акцентом на наш суверенитет", приобретающей все более националистический характер и сопровождающейся нетерпимостью в отношении НПО, которые получают финансовую помощь из-за рубежа (они расцениваются как "пятая колонна"), и опорой на антизападные концепции "патриотической" российской интеллигенции и православной церкви.

Реакция Москвы во внешней политике также полностью противоположна тому, к чему следовало бы стремиться американскому руководству. Истолковав поддерживаемые США "цветные революции" как попытки Вашингтона создать военные плацдармы у границ России, Кремль сегодня активнее, чем когда-либо, противостоит демократическим движениям в постсоветских государствах и поддерживает самые авторитарные режимы в регионе – от белорусского до узбекского. Одновременно Москва устанавливает "стратегическое партнерство" с Китаем в политической, экономической и военной сферах, поддерживает иранский и другие антиамериканские режимы на Ближнем Востоке и уже возвращает в Беларусь ракеты ПВО – ведь эта страна стала теперь западной границей между Россией и НАТО.

Если американская политика и вполне естественные контрмеры России приведут к полномасштабной "холодной войне", она, из-за нескольких новых факторов, может стать даже опаснее, чем конфронтация советских времен. Прежде всего, вследствие появления западных баз и поддерживаемых США правительств в странах бывшего СССР "линия фронта" этого конфликта, как с тревогой отмечает одна московская газета, переместилась из Германии в "ближнее зарубежье". По мере того, как, по словам бывшего премьер-министра Евгения Примакова, "вокруг нашей родины сжимается враждебное кольцо", многие россияне самых различных политических взглядов приходят к выводу – над страной нависла смертельная угроза. Так, ближайший помощник Путина по политическим вопросам Владислав Сурков утверждает, что "враг у ворот", а писатель и бывший диссидент Александр Солженицын говорит о "полном окружении России, а затем потере ею суверенитета". Протестуя против полетов натовских самолетов вдоль границ страны, один российский генерал уже предупредил: "Нарушил границу – сшибать, да и все".

Воздействие геополитического фактора усугубляется тем, что Америка и Россия совершенно по-разному воспринимают собственное положение в мире. Так, в советско-американских отношениях к середине 1960-х гг. в значительной мере воцарилась стабильность: обе сверхдержавы пришли к выводу, что в ходе "холодной войны" сложилась патовая ситуация, и приняли на вооружение концепцию военно-политического "паритета". Сегодня, однако, Соединенные Штаты – самопровозглашенная "единственная сверхдержава" – полагают, что на международной арене у нее есть куда больше прав и возможностей. Москва же, напротив, ощущает себя более слабой и уязви-

мой, чем до 1991 г. Из-за подобной асимметрии отношения между двумя державами, и сегодня до зубов вооруженными ядерным оружием, могут в ходе "холодной войны" приобрести менее предсказуемый характер.

Нельзя не упомянуть и один психологический фактор, которого раньше не было. Разворачивающаяся сегодня "холодная война" носит, по сути, необъявленный характер, а потому обе стороны уже испытывают взаимное недоверие и считают, что их предали. Вашингтон, который приветствовал Путина как выбранного Ельциным преемника и предложил ему отношения по уже обкатанному принципу "партнерства и дружбы", чувствует себя обманутым. Вот характерные высказывания из Washington Post: в своей политике по отношению к России Буш руководствовался "добрыми намерениями", однако "российский "самодержец"… "предал доверие Америки".

Но действия путинского Кремля – это в основном реакция на десять лет нарушения американцами собственных обещаний и пьяной уступчивости Ельцина. Отсюда и заявление Путина, сделанное четыре года назад (его цитировала одна московская радиостанция): "Эпоха геополитических уступок России подходит к концу". (Оглядываясь назад, он с горечью заметил, что Россию "постоянно обманывали".) Более того, начинающаяся "холодная война" не сопровождается содержательными переговорами и сотрудничеством – явлениями, обозначаемыми понятием "разрядка", которые сдерживали остроту противостояния в прошлом.

Сегодня, если не считать "партнерского" фасада, "диалог практически отсутствует", как выразился один осведомленный россиянин. Особенно это касается проблемы ядерного оружия. Выход администрации Буша из Договора по ПРО и отказ от реального сокращения стратегических вооружений, ее решение о создании противоракетного "щита", разговоры о превентивных войнах и ядерных ударах практически свели на нет давние советско-американские соглашения, почти полвека позволявшие избегать ядерной войны. Более того, по данным из одного доклада, бушевский Совет национальной безопасности презрительно называет меры по контролю над вооружениями багажом, оставшимся от "холодной войны".

Одним словом, в тот момент, когда ядерная опасность возросла, а гонка вооружений развернулась с новой силой, никаких усилий для ее обуздания не предпринимается. Наконец, сил, выступавших против "холодной войны" – в свое время они играли важную роль в политической жизни США – сегодня уже не существует. Поэтому лоббистские группировки ее сторонников, как традиционные, так и новые (некоторые из них финансируются враждебными Кремлю олигархами), сегодня действуют практически беспрепятственно. Что же касается политической элиты, то новая "холодная война", которую ведет Америка, полностью поддерживалась и поддерживается обеими партиями на всех уровнях – от Клинтона до Буша, от Мадлен Олбрайт (Madeleine Albright) до Райс, от Эдвардса до Маккейна.

В то же время массовые общественные движения, выступавшие за разрядку и против гонки вооружений, в основном "демобилизованы" из-за создаваемого властями, СМИ и учеными мифа о том, что "холодная война" ушла в прошлое и из России больше не исходит ядерной или иной угрозы. Не видно (или по крайней мере не слышно) и американских ученых, которые в прошлом протестовали против эксцессов "холодной войны". При этом на свет божий

(что особенно заметно в Вашингтоне) появился целый легион новых идеологов "холодной войны" – они ходят в любимчиках у СМИ, и их рьяным антипутинским кампаниям почти никто не противостоит. (Вот пара характерных примеров: один такой ветеран-"крестоносец" постоянно упрекает Москву, что она "не заботится" об американских интересах, другой сегодня выдвинул сюрреалистическую идею – "при поддержке международных спонсоров" создать у российской молодежи "правильное" представление о Сталине.) Существует, конечно, несколько заметных исключений – эти люди также представляют обе партии, среди них есть и ветераны рейгановской администрации, и авторы статей в *Nation*. Однако "подвергать Россию анафеме", как недавно выразился Горбачев, стало настолько модно, что даже один резкий критик американской политики заканчивает свою статью фразой: "Конечно, главная вина ложится на Россию".

Действие этих политических факторов усугубляется позицией наших "плюралистских" мейнстримовских СМИ. В прошлом редакторы газет и телепродюсеры регулярно привлекали людей, не разделяющих взгляды адептов "холодной войны", но сегодня альтернативных точек зрения, а значит и живых общественных дискуссий, в СМИ почти не встретишь. Ортодоксия в духе "холодной войны" царит в передовых статьях влиятельных газет, возглавляемых *Washington Post*, чьи постоянные инвективы в адрес путинского "самовластия" и "грубого неоимпериализма" превращают ее в настоящую "Потомаскую Правду". А в передовой статье консервативной *New York Sun* сегодняшние американско-российские отношения вообще называют "дуэлью до смерти одного из участников – возможно в буквальном смысле".

Тем, что эти фантазии не воплотились в реальность, мы обязаны в основном решимости Кремля не возвращаться к периоду "холодной войны" – так заявил 13 мая Путин в ответ на провокационные обвинения Чейни. Недаром один британский ученый недавно заметил: "Кое-кто все еще ведет "холодную войну", но это не Россия". Однако сегодня в Москве по этому вопросу идет острая борьба: "западник" Путин отвергает требования ужесточить курс в отношении Запада, а в области бюджетной политики (этот вопрос тесно связан с предыдущим) выступает – в духе рузвельтовского "нового курса" – за увеличение инвестиций в "человеческий капитал" страны, обеспечивающий ее стабильность. Если политика США, играющая на руку московским "ястребам", не изменится, мы увидим возрождение своеобразного "симбиоза" американских и российских сторонников "холодной войны", подпитывавшего этот конфликт в прошлом. В этом случае Кремль – при Путине или его преемнике – также перейдет к конфронтации, со всеми вытекающими отсюда опаснейшими последствиями.

Если Вашингтон изменит принципиальные подходы и проявит политическую волю, выработать новый курс в отношении постсоветской России еще не поздно. Среди его элементов следует назвать полномасштабное сотрудничество в обеспечении безопасности ядерного и иного оружия массового поражения в России, радикальное сокращение обеими сторонами ядерных вооружений, запрет на разработку их новых видов и снятие всех боеголовок с боевого дежурства; предотвращение создания такого оружия другими странами, борьба с терроризмом и наркоторговлей в прилегающих к России регионах и увеличение

поставок энергоносителей на Запад. Однако осуществление любой из этих программ возможно лишь в случае отказа от неверных приоритетов и заблуждений, характерных для американской политики начиная с 1991 г. Обеспечение национальной безопасности требует правильного определения и выполнения приоритетных задач, но американское руководство в этом плане демонстрирует явную непоследовательность. Сегодня единственный жизненно важный для Америки вопрос, связанный с Россией, заключается в том, чтобы ее арсенал оружия массового поражения не представлял опасности для остального мира – будь то за счет дестабилизации обстановки в стране или ее враждебности по отношению к Западу.

Все опасные просчеты, характерные для политики США, являются проявлениями необузданного "триумфаторства". Из-за решения о том, что с Россией следует обращаться как с побежденным противником, вроде Германии или Японии (при этом без финансовой помощи, предоставленной в свое время этим странам), был упущен исторический шанс установить с Москвой реальное партнерство, а основой внешнеполитических концепций обеих партий стал тезис о том, что "направление", в котором идет Россия, должно определяться в Вашингтоне. Применительно к такой огромной стране, не одно столетие игравшей роль мировой державы и к тому же не потерпевшей военного поражения, подобный тезис контрпродуктивен и не может не породить возмущенной ответной реакции.

Из этой ошибки вытекали две другие. Первая заключалась в представлении о том, что у Соединенных Штатов есть право, знания и возможности для превращения поскоммунистической России в точную копию Америки в политическом и экономическом плане. Это мнение, порожденное беспрецедентной самонадеянностью и полным незнанием исторических традиций и современных реалий России, привело к контрпродуктивной кампании 1990-х, которая на различных направлениях продолжается и сегодня. Второй ошибкой стал тезис о том, что России предназначена роль "младшего партнера" Америки, обязанного руководствоваться не собственными, а американскими интересами.

Эта идея, игнорирующая российскую историю, различия в геополитических реалиях и жизненных интересах двух стран, также абсолютно неразумна. К примеру, поскольку Россия – евразийское государство с 20–25 миллионами мусульманского населения, а одним из немногих ее соседей, еще не "завербованных" в НАТО, является Иран, она не может позволить втянуть себя в разгорающийся конфликт Вашингтона с исламским миром, будь то в Иране или Ираке. Аналогичным образом, требуя от Москвы оставить свои традиционные военно-политические позиции в бывших советских республиках, чтобы ее место могли занять США и НАТО, и даже субсидировать "перебежчика"-Украину льготными ценами на газ, Вашингтон по сути отказывает России не только в интересах по принципу "доктрины Монро" в соседних странах, но и вообще в каких-либо легитимных правах в сфере безопасности. Неудивительно, что столь вопиющие примеры двойных стандартов убедили Москву: повышенная воинственность Вашингтона после ухода Ельцина вызвана тем, что "политика России стала более пророссийской".

Этот "триумфаторский" подход нельзя назвать и сиюминутной реакцией на события 1991 г. Десять лет спустя, после трагедии 11 сентября, у Вашингтона появился еще

один шанс установить партнерские отношения с Россией. На встрече 16 июля 2001 г. президент Буш увидел в Путине стремление к партнерству с Америкой. И после 11 сентября эти ожидания оправдались: путинский Кремль оказал американцам в Афганистане больше помощи, чем любая страна НАТО, предоставив в их распоряжение ценные разведанные, военный контингент из обученных россиянами афганцев и беспрепятственный доступ на стратегически важные авиабазы в бывших советских республиках Центральной Азии. Естественно, Кремль полагал, что Вашингтон будет вести себя так же по отношению к России. Вместо этого он получил выход США из Договора по ПРО, притязания на постоянное военное присутствие в Центральной Азии (и Грузии), а также на независимый доступ США к каспийской нефти и газу, второй раунд расширения НАТО с участием нескольких стран бывшего СССР и Варшавского договора, а помимо того, дальнейшее усиление критики российской внутренней и внешней политики. Невероятно, но факт: даже 11 сентября не побудило Вашингтон отказаться от принципа "победитель получает все".

Почему демократическая и республиканская администрации сочли, что могут проводить столь беспощадную антироссийскую политику, не ставя под угрозу национальную безопасность США? Причиной стала убежденность: у России, "усеченной" и ослабленной после распада СССР, просто нет другого выбора, кроме как покориться воле Вашингтона. Это было серьезнейшей ошибкой, даже если не учитывать того факта, что все советское ядерное оружие осталось в распоряжении России. Благодаря своему гигантскому материальному и человеческому потенциалу эта страна, как выражаются российские интеллигенты, "обречена на роль великой державы". И после 1991 г. в этом смысле ничего не изменилось.

Еще до того, как рост цен на энергоносители вновь наполнил государственную казну, в распоряжении Кремля были альтернативы той унижительной роли, что отводил для нее Вашингтон. Прежде всего, Россия могла с легкостью заключить стратегические альянсы с антиамериканскими правительствами не входящих в НАТО стран на Востоке, да и в других регионах, превратиться в арсенал обычных вооружений и ядерного "ноу-хау" для целого ряда государств – от Китая и Ирана до Венесуэлы. Москва уже начала отдаляться от Запада и способна продвинуться в этом направлении гораздо дальше. Более того, даже в ее нынешнем "усеченном" виде Россия способна вести и, вероятно, выиграть "холодную войну" на новом гигантском "поле боя" – постсоветском пространстве. Здесь она имеет преимущества, связанные с географическим соседством, важностью ее рынков, контролем над трубопроводами и владением активами в соседних странах – не говоря уже об этнической, языковой близости и общей истории. Все это дает Москве целый набор рычагов "мягкого" и "жесткого" влияния на правительства соседних стран, ищущих нового покровителя за океаном.

В экономическом плане Кремль может разорить и без того нищие Грузию и Молдову, запретив ввоз их продукции и изгнав из России рабочих-мигрантов из этих стран, которые на родине пополняют армию безработных, или заставив ту же Грузию и Украину платить по рыночным ценам за необходимые им энергоносители. В политической сфере он способен расчленив крошечные Грузию и Молдову, да и большую Украину, приняв ряд их регионов с про-

российски настроенным населением в состав Российской Федерации или поддержав их претензии на независимость (как поступает Запад в отношении Косово и Черногории). На военном направлении не исключены дальнейшие шаги Москвы по преобразованию Шанхайской организации сотрудничества – сегодня в нее входят Россия, Китай и четыре центральноазиатских государства, а кандидатами на вступление числятся Иран и Индия – в антинаатовский оборонительный альянс, "ОПЕК с ядерным оружием", по образному выражению одного западного аналитика.

Но и это еще не все. В борьбе с Россией за каспийскую нефть и газ Вашингтон, как признает даже сторонник "триумфаторского похода" Томас Фридмен (Thomas Friedman), находится в весьма невыгодном положении. США уже лишились военной базы в Узбекистане, а скоро, возможно, потеряют и базу в Кыргызстане – единственную, что у них осталась в регионе. Новый трубопровод в обход России, сооружение которого США поддерживали, проложен по территории Грузии, стабильность которой во многом зависит от Москвы; новый друг Вашингтона в богатом нефтью Азербайджане – правитель "устаревшего типа", получивший власть по наследству; а в Казахстане, представляющем для США особый интерес из-за гигантских запасов энергоносителей, проживает многочисленное русскоязычное меньшинство, и к тому же эта страна вновь начала сближение с Москвой.

Есть у Кремля свои козыри и в отношениях с самим Западом. Он может развернуть достаточно боеголовку, чтобы пробить любой противоракетный "щит" и похоронить иллюзию о "ядерной гегемонии" США. Москва будет принимать решение о том, допустить ли американские компании к многомиллиардным сделкам в России и надо ли "перенацелить поставки" на жаждущие энергоносителей рынки Востока, о чем недавно было напомнимено представителям Евросоюза, получающего 25% потребляемого газа из России. Наконец, у Кремля есть свои ресурсы, связи и право вето в Совете Безопасности ООН для противодействия американским интересам по таким проблемам, как нераспространение ядерного оружия, иранский вопрос, война в Афганистане, а возможно и в Ираке.

Вопреки явно преувеличенным обвинениям Вашингтона, Кремль пока не прибегает к подобным ответным мерам в сколько-нибудь значительных масштабах. Однако у нее не будет никаких обоснованных причин воздерживаться от таких шагов, если США не прекратят унижать Россию и покушаться на ее интересы. Как отмечает один западный эксперт по вопросам безопасности, то, что Москва получила от Вашингтона с 1992 г., никоим образом "не компенсирует геополитического ущерба, который США наносят России". Американские "крестоносцы" настаивают, что игра стоит свеч, поскольку речь идет о демократизации России и других стран бывшего СССР.

На самом же деле проводимые ими с 1992 г. кампании лишь дискредитировали идею демократии в глазах россиян. Расточая похвалы презируемому народом Ельцину, называя других непопулярных деятелей "демократами" и клеймя популярного в обществе Путина, они способствовали тому, что в сознании людей демократия ассоциируется с социальными потрясениями, хаосом и унижениями 1990-х. Подвергая остракизму президента Беларуси Александра Лукашенко и одновременно поддерживая тиранов в Азербайджане и Казахстане, они приравнивают "демок-

ратизацию" к стремлению наложить лапу на нефтяные ресурсы. Увязывая "демократические революции" на Украине и в Грузии с членством этих стран в НАТО, они превращают события, о которых идет речь, в примеры американского экспансионизма. Шумно выступая в защиту миллиардера Михаила Ходорковского и при этом игнорируя проблему бедности в России и массовые протесты против социальной несправедливости, они дают понять, что демократия существует только для олигархов. Наконец, настаивая на собственной незаменимости, американские "крестоносцы" фактически утверждают, что россияне будто бы неспособны самостоятельно построить демократию и сопротивляться злоупотреблениям властей.

В результате у россиян возникли самые мрачные подозрения относительно намерений США, но американское руководство и пресса этот факт игнорируют. В частности, в России убеждены, что реальной целью Вашингтона является контроль над сырьевыми ресурсами страны и ее ядерным оружием, а также ее "десуверенизация" и превращение в "вассала Запада" за счет окружения натовскими странами-сателлитами. В общем же плане американская политика породила убеждение – реальной целью Америки в ходе "холодной войны" была борьба не с коммунистическим строем, а с Россией как таковой; эта точка зрения только усиливается статьями в *Washington Post* и *New York Times*, где даже посткоммунистическая Россия характеризуется как "автократическое государство с первобытными инстинктами".

Чтобы преодолеть такие мощные препятствия и по-новому построить отношения с Россией, Вашингтону необходимо оказаться от "триумфаторского" чванства, послужившего главной причиной реанимации "холодной войны" и роста сопутствующих ей угроз. Это означает уважение суверенных прав России во внутривнутриполитической сфере (в том числе и права по собственному усмотрению распоряжаться своими энергоресурсами). Опыт прошлого наглядно показывает, что попытки вмешательства во внутренние дела России лишь ухудшают сохраняющиеся шансы на утверждение политических свобод и экономическое процветание в этой многострадальной стране. Это означает и признание российских законных интересов безопасности, особенно в "ближнем зарубежье".

Прежде всего, следует отказаться от "третьей волны" расширения НАТО, в которую планируется включить Украину. Продвижение НАТО до самого российского "порога", не укрепив ничью безопасность, уже поставило российско-американские отношения на грань разрыва; присоединение к блоку Украины, которой Москва придает огромное значение как с точки зрения славянской идентичности, так и в плане обороны, может стать необратимым шагом, о чем с тревогой предупреждают даже проамерикански настроенные россияне. Этот шаг не будет соответствовать и принципам демократии: против вступления в НАТО выступают почти две трети украинцев. О его взрывоопасных последствиях можно судить по событиям конца мая – начала июня, когда жители русскоязычного Крыма блокировали порт, где внезапно появился корабль ВМС США с морскими пехотинцами на борту, и дороги в его окрестностях. Крымские организации принимали поста-

новления, которые объявляли регион "зоной, свободной от НАТО" и угрожали американцам "новым Вьетнамом".

Время для выработки нового политического курса США истекает, но никаких усилий в этом направлении в официальных и других кругах не заметно. В мае, обрушиваясь на Кремль, Чейни, как выразился репортер *Times*, вел себя словно торжествующий "ястреб" времен "холодной войны". Один высокопоставленный чиновник Госдепартамента недавно объявил о начале "следующей масштабной миссии" в России и соседних странах. В том же прежнем ключе звучит и требование Райс, чтобы Россия "признала за США их законные интересы... в соседних с нею регионах" (при этом она даже не обмолвилась об аналогичных интересах Москвы), или заявление бывшего сотрудника клинтоновской администрации, что именно Кремль "несет ответственность за серьезные угрозы в сфере безопасности, возникающие на границе НАТО с Россией".

Одновременно администрация Буша играет в "русскую рулетку" с Москвой в области ядерных вооружений. Ее проект создания системы ПРО уже спровоцировал дестабилизирующие меры по наращиванию вооружений с российской стороны, а теперь администрация к тому же предлагает впервые в истории размещать на стратегических ракетах обычные боеголовки, что затруднит работу российской системы раннего предупреждения, создавая угрозу случайного пуска. Живя в демократической стране, мы ожидаем от ее будущих лидеров альтернативных предложений в области внешней политики. Однако от представителей обеих партий мы ничего подобного не слышим – раздаются лишь требования ужесточить позицию в отношении России или эту тему вообще обходят молчанием.

Удивляться тому не стоит. Непротивление чудовищной бушевской войне в Ираке наглядно продемонстрировало весьма ограниченную способность политической элиты к самоанализу, независимому мышлению и гражданскому мужеству. (Она предпочитает ложно обвинять американский народ, как это сделал недавно заместитель главного редактора *Foreign Affairs*, в пристрастии к "идеологическому сырому мясу".) Не исключено, что ее представители к тому же запуганы еще одним возродившимся явлением времен "холодной войны" – практикой очернения инакомыслящих. *Washington Post* и *New Yorker* уже называют критиков их редакционной политики в отношении России "апологетами Путина", "умиротворителями" и обвиняют их в том, что они вновь становятся на сторону России в "холодной войне".

Таким образом, для преодоления ортодоксии и опасностей, связанных с новой "холодной войной", понадобятся кругозор и смелость, способность идти наперекор общепринятому мнению, но трудно представить себе хоть одного американского политика, способного откликнуться на этот призыв. Впрочем, такой прецедент был, и не так уж давно. Двадцать лет назад, когда опасность "холодной войны" для всего мира особенно обострилась, из рядов ортодоксального и репрессивного советского политического класса неожиданно выдвинулся Горбачев и предложил "еретический" выход из положения. Найдется ли сегодня в Америке лидер, готовый воспользоваться этой некогда упущенной возможностью?